

**Константин Соломонович Кумбарг, сотрудник НКВД,
ветеран партизанского движения**

В «треугольнике» нас оставил НКВД БССР

В начале июля 1941 г. на большаке Сенно-Богушевск гитлеровские десантники захватили мост через реку Оболянку, препятствуя отступлению наших войск. По приказу комбата Сулимова наш взвод старшего лейтенанта Ильина вплавь переправился через реку (выше моста) и напал на врага. Парашютисты отбили нашу атаку и бросились в контратаку, но я (до войны окончивший снайперскую школу) из винтовки с оптическим прицелом уложил командира немецких десантников в форме советского капитана, а затем гитлеровца в форме нашего лейтенанта. Лишенные командиров, немецкие десантники начали отступать; в конечном итоге мы их уничтожили. Однако наш батальон оказался во вражеском тылу и нам приказали, переодевшись в гражданскую одежду приступить к знакомству с населением близких деревень в нашем «треугольнике».

В жаркий июльский день лейтенанты Ильин, Шуков и я (сержант госбезопасности Кумбарг) одетые под местных жителей вошли в поселок Белгрэса и увидели, что у магазина-пекарни четыре немецких солдата наполняют кузов грузовой автомашины хлебом, а два гитлеровца со «шмайсерами», отгоняют от магазина женщин и детей. У нас под пиджаками были пистолеты, а в карманах гранаты Ф-1 и мы пошли к машине, но немцы загрузили ее и поехали нам навстречу. Переезжая мостик через канаву пересекавшую улицу, тяжелый грузовик сломал настил и застрял. Из кабины вылез фельдфебель, подозвал нас жестами, сказал: «Рус, ком. Шнеллер!», и указал на провалившееся колесо. Ильин громко скомандовал: «Поможем хлопцы!»! Вместе с немцами мы начали безуспешно толкать машину, а затем мгновенно вытащили пистолеты и перестреляли фашистов. «Товарищи! Берите хлеб, прячьте все, уходите в лес» — крикнул женщинам Ильин и мы быстро пошли в сторону леса.

Для получения указаний о дальнейшей деятельности в тылу врага Шуков и я преодолели вплавь реку Березину, а затем по болотам и лесным тропам перешли линию фронта; 12 июля 1941 г. мы вошли в прифронтовой Смоленск, не имея специальных пропусков. Нас задержали, допросили в особом отделе прифронтового полка, а затем в милиции и в комендатуре. Наконец мы подошли к дымящемуся зданию Смоленского областного Управления госбезопасности. Неожиданно у входа в здание я встретил капитана Дедюшина, в подчинении которого работал, когда он был начальником отдела в НКГБ по Белостокской области. Я представил лейтенанта Шукова, и капитан провел нас в свой кабинет, где я доложил ему о действиях взвода старшего лейтенанта Ильина и обстановку в тылу врага. Капитан Дедюшин дал мне два часа, чтобы написать обо всем подробный отчет в НКГБ БССР, который временно находился в этом здании.

Когда отчет был написан, меня и Шукова принял заместитель наркома НКГБ БССР. Он внимательно нас выслушал и попросил подробнее проинформировать о настроении людей на занятой гитлеровцами территории, а затем определил наши задачи в тылу врага: «Ваш взвод находится в треугольнике железных и шоссейных дорог Смоленск-Орша-Витебск, т.е. в районе, который скоро будет играть первостепенную роль в обеспечении боеприпасами, горючим и резервами центральную фашистскую группировку, цель которой — захват Москвы. Наличие в этом «треугольнике» огромного лесного массива, окруженного деревьями, способствует организации партизанской борьбы. Мы намерены засылать туда разведывательно-диверсионные группы, подбираем людей, не хватает нужных, но добровольцев много.

И вдруг оказывается, что ваша спецгруппа уже там есть; она уже обстреляна, имеет некоторый боевой опыт и связь с местным населением, с патриотами. Последнее особенно важно. Ваша главная задача на ближайшее время крепить связь с населением, организовать хорошо законспирированную разведку, внедрять своих людей во все учреждения оккупантов и выявлять пособников врага. При первой возможности мы доставим вам радиста с рацией, инструктора подрывника и взрывчатку. Важнейшие артерии врага должны кровоточить. Вопросы?» — спросил он нас. Вопросов не было. Замнаркома посмотрел на часы, встал, крепко пожал нам руки, сказал: «Желаю удачи, товарищи» и мы поспешили в обратный путь.

Пять ночей пробирался я с Шуковым через боевые порядки 2-ой танковой группы и 4-ой полевой армии гитлеровцев лесами, болотами, вплавь через реки. А когда пришли в «свой» лес Щербинская дача, то на месте отряда ст. лейтенанта Ильина не оказалось. Но в оговоренном ранее дупле дерева для связных, мы нашли адресованную нам записку, из которой узнали, что наш взвод разгромлен фашистами, а ст. лейтенант Ильин с несколькими бойцами ушел из «треугольника» на соединение с частями Красной Армии. Для выполнения указаний «Смоленско-белорусской» Группы НКВД мы решили обосноваться в Щербинском лесничестве, на границе Смоленской области и БССР (в центре треугольнике Смоленск-Орша-Витебск, через который шло обеспечение группы армий «Центр» боеприпасами, горючим и резервами). В конце августа мы с лейтенантом Андреем Шуковым встретил в деревне Новая Земля лейтенанта государственной безопасности Никандра Талерко. Он уже ознакомился с «органами самоуправления» и «Новым порядком» гитлеровцев в регионе; мы с ним приступили к внедрению надежных местных соратников в волостные управы и на должности деревенских старост.

Создавая в Кривинской НСШ подпольную ячейку патриотов, я познакомился с комсомолкой Фаиной Шилкиной, которая сообщила о школьном старом радиоприемнике «Колхозник» без питания. Мы перевезли его к себе, добыли батареи питания, начали слушать Москву и распространять сводки «Совинформбюро». Узнав о нашей деятельности, в одну из осенних ночей к нам пришел второй секретарь Руднянского РК ВКП(б) Иван Сергеевич Куров с председателем исполкома райсовета Евдокимом Николаевичем Мельниковым и заведующим военным отделом райкома партии Андреем Ерофеевичем Тумановым. Куров кратко информировал нас о «Постановлениях ЦК ВКП(б) и Смоленского обкома по организации партизанской борьбы в тылу немецкой группы армий «Центр». Нас включили в соединение «Никиты» (старого коммуниста и партизанского командира гражданской войны Никифора Захаровича Коляды). Он 18-го августа со своим штабом перешел линию фронта с кавалерийской группой Льва Михайловича Доватора между деревнями Устье и Подвязы Пречистинского района. Его штаб обосновался севернее Демидова около Слободы и объединяет мелкие партизанские группы в крупное партизанское соединение, распространяющее свое влияние на наш Руднянский район.

Гитлеровцы создавали «новый порядок» при активном участии предателей (местных граждан), одним из которых оказался лесник Ганновского лесничества Бичек, проявивший особое рвение при «решении еврейского вопроса». 4 ноября 1941 г. (накануне 24-ой годовщины Октябрьской революции) Бичек был одним из основных организаторов уничтожения евреев Любавичской общины около бывшей колхозной сушилки. Если верить памятнику, установленному на этом страшном месте, то здесь умертвили 483-х сограждан (среди которых оказались мои (Константина Кумборга) знакомые и близкие родственники Макса Маевского).⁷

⁷ Партизан М.Д. Маевский.

*К.С. Кумборг и М.Д. Маевский,
1975 г.*

С 1813 г. по 1915 г. Любавичи были резиденцией четырех поколений Любавичских Ребе. Последний, седьмой Любавичский Ребе Менахем-Мендл-Шнеерсон скончался в 1994 г. в Бруклине и похоронен на еврейском кладбище в Квинсе. Он был награжден медалью Конгресса в знак признания его гуманитарной деятельности, а его день рождения отмечается в США как национальный день воспитателя. Потомки хасидов из Любавичей проживают в Иерусалиме, Нью-Йорке, в др. городах, но их центр находится в Бруклине (где покоится последний Любавичский Ребе).

В июле 1941 г. местечко Любавичи оказалось на оси главного удара группы армий «Центр», наступавшей на Москву под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока и одной из первых в Любавичах завершила существование древняя еврейская община. После освобождения Любавичей войсками 43-й армии в октябре 1943 г. майор юстиции Гинзбург составил протокол о варварстве гитлеровцев: «В большинстве трупы имеют пулевые повреждения в области затылочных, теменных и височных костей... Часть трупов имеют обширные разрушения черепа от ударов тупыми предметами. Некоторые не имеют следов повреждений». Майор Гинзбург сделал вывод, что «все еврейское население Любавичей уничтожено выстрелами в голову, ударами прикладов, ломов и палок по голове, а также путем закапывания людей, главным образом детей, живьем...»⁸

Через три дня после этого варварства, недалеко от Любавичей в Щербинском лесничестве я включил радиоприемник и собрал соратников для того, чтобы прослушать речь, которую с трибуны Мавзолея произносил И.В. Сталин перед участниками парада 7 ноября 1941 года. Под впечатлением речи вождя, возмущенные варварством захватчиков и их пособников, мы решили назвать свой отряд «Мститель». Командиром отряда единогласно был избран лейтенант госбезопасности Никанор Иванович Талерко (выпускник Ленинградского института советской торговли, окончивший перед войной Московскую школу чекистов). Комиссаром стал председатель Руднянского райисполкома Евдоким Мельников, а парторгом мы избрали старого большевика Семена Максименко. Лейтенант госбезопасности Андрей Шуков стал начальником штаба «Мстителя», а я начальником разведки отряда.

Начало активизации диверсионной деятельности наш отряд «Мститель» озаменовал диверсией на магистрали Минск-Москва. Опыта подобных операций, специальных мин и взрывателей для них у нас было, но был «окруженец» сапер Семен Кабаков, который подготовил все для самодельной мины из толовых шашек с гранатным взрывателем. Талерко согласился с предложением Кабакова использовать для взрыва усилие прижима паровозного колеса на капсулю гранатного взрывателя РГД и сам возглавил первую (экспериментальную) операцию на «железке». Ночью, недалеко от станции Шуховцы (между деревнями Гичи и Новая Земля) он поднялся на ж.д. насыпь с Кабаковым и Шуковым, в вещмешках которых были толовые шашки и гранаты для опытной мины. А я командовал группой прикрытия.

⁸ <http://www.runyweb.com/articles/73/lubavitch-miracle-in-a-tragic-shell.html>

Кабаков с Шуковым выдолбили финками под рельсом приямком, выложили в него из вещмешков двадцать толовых шашек и гранату РГД, капсулю которой Кабаков закрепил на рельсе песчаной присыпкой. Они отошли от насыпи за деревья в ожидании взрыва состава. Сапер Кабаков волновался (а вдруг не сработает устройство или состав на Москву не пойдет в эту ночь). Но Талерко верил в успех хорошо продуманной им операции (его проинформировали связные, что за предыдущие сутки здесь на Москву проследовало 47 эшелонов с танками, артиллерией, боеприпасами, горючим и живой силой). Вдруг в ночной тьме проявились два желтых глаза, которые быстро приблизились к установленной мине. Но... Состав с вагонами прогромыхал и исчез в темноте...

«Я сейчас, товарищ командир», - выпалил Кабаков и бросился к насыпи. Вслед за ним полез на насыпь и я. Почему не взорвалась? Чуткие пальцы сапера прощупали рельсы и полотно в поисках мины, которую он установил между искривленными шпалами. Вот она целехонькая под присыпкой – сказал Кабаков. А где граната? А вот и она (переднее колесо паровоза или вибрация рельса отбросили взрыватель, он откатился от налетевшего паровоза). Кабаков достал из вещмешка гранату Ф-1, закрепил ее между толовыми шашками, затем извлек из своего вещмешка длинный шнур, привязал его к колечку чеки, разогнул усики взрывателя и осторожно начал спускаться с насыпи. Я рванулся за ним, но он медленно отходил от насыпи, разматывая шнур. Размотав его до конца, Кабаков замер в ожидании состава, а я поспешил предупредить всех, что длина шнура не превышает 50 м.

Приближался рассвет, послышался перестук колес на стыках рельсов и вскоре над миной загромыхали два паровоза, тащившие тяжелый состав. Кабаков дернул шнур, и яркое пламя осветило ночь. «Уходим ребята!» - скомандовал Талерко, и мы быстро отошли от места первой для отряда ж.д. диверсии. «Как хорошо, что в отряде оказался опытный сапер», – сказал Талерко. Ведь разъем рельсов уже невозможен, поскольку эшелоны идут часто, а гитлеровцы, несомненно, повысят охрану железки. Но где добыть гранаты Ф-1, взрывчатку, чтобы сбить бешеный темп передвижения составов на магистралях Минск-Москва и Витебск-Смоленск?

Пытаясь установить надежную связь с «Большой Землей», Талерко посылал за линию фронта связных с устными и письменными (зашифрованными) донесениями, в которых информировал о передвижениях гитлеровцев на нашем участке «треугольника» и просил забросить в отряд радиста с рацией. Не все связные возвращались в отряд: многие погибали при переходе через линию фронта, многих задерживали гитлеровцы уже в «треугольнике». В конце 1941 г. активизировалась деятельность предателей, с помощью которых враг находил отряд и заставлял нас менять места базирования «Мстителя». После этого связным не просто было отыскивать наши новые стоянки.

В марте 1942 г. в нашем лесу «Щербинская дача» появился лыжный отряд ОМСБОН во главе со старшим лейтенантом государственной безопасности Федором Федоровичем Озмилем. У «москвичей» была рация и около 50-и прекрасно вооруженных спортсменов лыжников, обладавших опытом партизанской борьбы в лесах Подмосковья. Федор Федорович Озмилев предложил Никанору Ивановичу Талерко объединиться для совместной диверсионной деятельности в соответствии с Приказом ВГК «О задачах партизанского движения». Приказ констатировал: «...В настоящий момент враг вынужден перебрасывать резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт из далекого тыла, а из нашей страны в Германию награбленный хлеб, мясо и другое имущество. Железные, шоссейные дороги, по которым враг питает свои войска, растянулись на тысячи километров. Во многих местах они пересекаются болотами и лесами: это создает благоприятные условия для партизан при разрушении путей подвоза.

Закрывать пути подвоза — значит лишить врага возможности пополнить фронт живой силой, техникой, горючим, боеприпасами ...»

— Этот Приказ — наша боевая программа и я хотел бы знать, где конкретно «Мститель» намерен взрывать мосты на шоссе и железке?» — спросил Озмитель.

— У нас нет взрывчатки — ответил Талерко.

— У нас есть тол и еще самолетами подбросят — сказал Озмитель.

— Нужно бы взорвать ж.д. и шоссейный мосты западнее станции Красное, у деревни Сентюри. Вот здесь, — показал на карте Талерко болотистое место с речушками и озерами (лед на которых уже начал подтаивать).

— А вы знаете, какими силами охраняются эти мосты, какие укрепления перед ними? — спросил Озмитель. Талерко утвердительно кивнул и положил на стол планы охраны мостов, которые я выполнил незадолго перед этим. Озмитель просмотрел карту, сказал: «Молодцы!», и передал ее своему начальнику штаба, лейтенанту Козицкому. Внимательно рассмотрев карту, тот произнес задумчиво: «Не простой орешек, однако, обладая этими сведениями можно нападать на их казармы уже сегодня ночью».

— Сегодня и нападём — сказал Озмитель, — Дорог каждый час! Вы готовы? — спросил он у Талерко.

— Мы готовы — ответил тот и предложил план операции, который Озмитель сразу же одобрил.

К полуночи мы с «москвичами» под покровом начавшейся метели подкрались к фашистским казармам — двум кирпичным зданиям, спешно построенным между ж.д. и шоссейными мостами на пол пути от ст. Красное и ст. Шуховцы. Занимая господствующее положение на местности; они были оборудованы как ДОТы, которыми охранялись оба моста. Неподалеку от этих казарм в деревне Сентюри обосновались польские авторемонтники (мобилизованные гитлеровцами). Я с ними связался, и они сообщили, что в казармах три немецких офицера, семьдесят солдат с тридцатью автоматами, сорока винтовками, двумя батальонными минометами, четырьмя станковыми и шестью ручными пулеметами.

Точно в два часа Озмитель выстрелил из ракетницы и около казарм повисла зеленая ракета над часовым, которого я мгновенно уложил метким выстрелом. С криком «Ура», стреляя из автоматов, ручных пулеметов и винтовок, мы бросились к казармам; в окна, амбразуры полетели гранаты. «Мститель» ворвался в помещения казарм и одновременно «москвичи»-минеры подошли к железнодорожному мосту, а минеры «Мстителя» к шоссейному мосту: два мощных взрыва оповестили округу о начале Смоленского «Эха Московской битвы». На дрезинах и бронетранспортерах со станций Красное и Шуховцы к месту диверсии примчались гитлеровцы, но следы партизан скрыла не на шутку разгулявшаяся метель. Утром из Орши к взорванному ж.д. мосту подошел бронепоезд и начал из орудий обстреливать всю площадь леса Щербиная дача, но не задел никого из партизан. А через два дня связные сообщили, что в казармах погибли три офицера, сорок семь солдат и ранено двадцать три гитлеровца. «Мститель» в этой операции никого не потерял, но один из «москвичей» (по имени Саша) был ранен осколком своей же гранаты. Успех операции «Эхо Московской битвы» совпал с появлением в «треугольнике» отряда «Грозный» (так спортсмены Динамовцы ОМСБОНА, решили назвать свой отряд).

В начале апреля 1942 г. в лес «Щербинная дача» ОМСБОН направил отряд чекистов «Сокол», командир которого Николай Соколов обосновался в лесной деревне Марково и приступил к организации совместных диверсий с отрядами «Мститель» и «Грозный». Мощь этого объединения чекистов мгновенно ощутили гарнизоны гитлеровцев на станциях Красное, Шуховцы, в городах Рудня, Дубровно, в местечках Веретея и Любавичи. Гарнизон местечка Любавичи, состоящий из тридцати немецких солдат с тремя офицерами и семидесяти предателей-полицейских, обладал двумя ротными минометами, тремя станковыми и пятью ручными пулеметами, автоматами, карабинами, пистолетами, гранатами, автомашинами и лошадьми.

В ночь с 4 на 5 августа 1942 г. отряды Талерко, Соколова и Озмителя (под общим руководством Озмителя) пошли в Любавичи: «Сокол», спилив 12 столбов телефонной связи на большаке Рудня-Любавичи, сосредоточился на старом еврейском кладбище местечка, «Мститель» вошел в местечко с севера (от Ситовщины) и приблизился к штабу с казармами гитлеровцев. Озмитель половину своего отряда направил к казармам с южной стороны местечка, а сам со второй половиной подошел к лагерю военнопленных, который ютился в двух больничных сараях, окруженных двойным забором колючей проволоки. В час ночи Озмитель повесил над Любавичами красную ракету, и светящиеся окна казарм прошли пулеметно-автоматные очереди. Из дверей и окон казармы полиции начали выскакивать ее обитатели, разбегаясь куда глаза глядят. Но из штаба и немецкой казармы организованно застучали пулеметы, автоматы, а затем партизанам ударили и минометы.

Гитлеровцы пытались затянуть бой до утра, ожидая подкрепление из Рудни (не зная, что Талерко по указанию Озмителя оставил на большаке засады «Мстителя»). В разгар боя к штабу и немецкой казарме подошла группа Озмителя, обезоружившая без единого выстрела лагерную охрану и освободившая более сорока военнопленных красноармейцев. Обретя свободу и оружие, отнятое у своих тюремщиков, презирая смерть, бывшие узники рванулись на штурм немецкой казармы и штаба. «Гранаты!» — скомандовал Озмитель и, прикрываемые огнем товарищей, его ветераны-динамовцы забросали гранатами окна штаба и немецкой казармы. После мощных взрывов противотанковых гранат в помещения ворвались освобожденные военнопленные и выплеснули накопленную ненависть на недобитых гитлеровцев.

«Не стреляйте! Сдаемся!» — послышались крики полицейских. Партизаны прекратили огонь и к ним с поднятыми руками подошли тридцать пять предателей. «Каждый немецкий холуй должен получить заслуженное», — сказал Озмитель. Он приказал построить полицеев на площади местечка, куда стихийно стали подходить жители. «Товарищи! Кто из этих вояк проявил себя, как мародер и изверг?» — спросил Озмитель. Ему никто не ответил. Но узнавшие бывшего Председателя своего Руднянского райисполкома Е.Н. Мельникова, стали подходить к нему и указывать тех, кто расстреливал евреев, обирал дома советских активистов и семьи воевавших на фронте красноармейцев. Среди задержанных оказались бургомистр Любавич Черногузов и главный заготовитель Руднянской комендатуры Василенко, под руководством которых наполнялись немецкие склады зерном, мукой и другими продуктами.

По указанию Озмителя партизанские старшины (Александр Матюхин из отряда «Грозный», Александр Мочалов из отряда «Мститель» и Федор Беляшов из отряда «Сокол») начали вывозить продукты на захваченных в Любавичах немецких грузовиках и подводах в деревню Марково и в лес Ужатник. Туда же перегнали большое стадо коров и табун лошадей. Зерна и муки было так много, что их начали раздавать жителям местечка и окрестных деревень. Богатые трофеи позволили отрядам «Мститель», «Грозный» и «Сокол» запастись на зиму мукой, крупой, солью, жирами и мясом,

которыми они даже делились с бригадой Константина Заслонова в период карательной операции гитлеровцев под кодовым наименованием «Гриф».

В июне 1944 Ф.Ф. Озмитель был окружен фашистами и последней гранатой взорвал себя вместе с окружавшими его врагами; посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Энциклопедия «Беларусь в Великой Отечественной войне»⁹ повествует: «Озмитель Федор Федорович (13.8.1918, с. Линовицк Мартукского р-на Актюбинской обл. — 15.06.1944), участник партизанского движения в Витебской и Минской областях. Герой Сов. Союза (1944). Чл. КПСС. В начале войны на Западном фронте, участник боев под Москвой. В феврале–июле 1942 командир партизанского отряда особого назначения, действовавшего в треугольнике Орша–Витебск–Смоленск. 3 мая 1943 снова в тылу врага, командир партизанского отряда «Гром». В июле 1944 во время вражеской блокады партизанских бригад около оз. Палик командовал штурмовой группой прорыва из окружения, был тяжело ранен. Чтобы не попасть в плен подорвав себя гранатой. Похоронен в с. Моковье Борисовского р-на. В г. Новолукомль его именем назван бульвар, где Ф.Ф. Озмителю установлен памятник.»

5 августа 1942 г., когда колонна партизан «Мстителя», «Грозного» и «Сокола» отошла от Любавичей более чем на километр, вдруг с церковной колокольни, возвышавшейся над местечком, застрочил немецкий пулемет. По пулеметчику несколько раз выстрелили из снайперской винтовки и пулемет умолк. Позже партизанам сообщили связные, что с колокольни стрелял из пулемета местный полицай Бичек. Стрелял он до тех пор, пока партизанский снайпер не ранил его в плечо. Этот бывший советский лесник Ганновского лесничества одним из первых стал грабить, а затем уничтожать евреев; он выдал гитлеровцам много красноармейцев, создал в селе Волково отряд полиции, который сам же возглавил. Во время ночного боя в Любавичах он сумел убежать, а после ухода партизан продолжил усердно служить гитлеровцам.

Однажды на большаке между Горбово и Середки к партизанской засаде «Сокола» приблизились автофургоны «народников» с эффектной порнографией и антисоветскими плакатами. В кабине головной автомашины гордо восседал рядом с шофером неуловимый Бичек, сопровождавший, как оказалось, труппу «актрис» из Осинторфа «обсуживавших воинов» РОА («Русской освободительной армии» генерала Власова)¹⁰. Командир засады «москвич» Алесандр Таблер из отряда «Сокол» захватил агитационную колонну «актрис», но раненый Бичек умудрился снова уйти от возмездия. В феврале 1943 г. этот гитлеровский активист возглавил уничтожение партизанских деревень Марково и Шарино (где в январе 1943 г. базировался Смоленский партизанский полк Садчикова).

Вместе с отступавшими от Смоленска «воинами РОА» и обслуживавшими их «актрисами» Бичек оказался в Минске, но там его в августе 1944 г. опознали партизаны Смоленского полка Садчикова. Однако, неуловимый Бичек смог убежать от них из Минска и укрыться у своих родственников в деревне Седневка. Опознавшие его жители из этой деревни передали предателя «органам» и в 1944 г. Бичек заслуженно был приговорен к «высшей мере».

Гитлеровцы старательно растили себе подобных, широко распространяя печать РОА, ведя идеологическую борьбу с партизанами, они создали «агитбригады актрис», воодушевлявших душой и телом «настоящих мужчин» - воинов РОА. В октябре 1943 г. разведчики Смоленского полка Садчикова задержали пять «актрис-полячек»,

⁹ Беларусь в Великой Отечественной войне. Минск, 1990.

¹⁰ Видимо, здесь и далее речь всё же идёт о РННА и других коллаборационистских формированиях.
Прим.ред.

сопровождаявших взятых в плен гитлеровских офицеров. Всех их полковник Садчиков отправил самолетом в Москву с предложением: «Немцев используйте по назначению, проституток — в Сибирь» ... В ответ Москва радировала: «За немцев благодарность, за проституток — выговор».¹¹

В «треугольник» майор Иван Федорович Садчиков был направлен после того, как покомандовал стрелковым батальоном, отличился в боях за г. Юхнов и был награжден Орденом Красного Знамени. После ранения его включили в группу подготовки к партизанской борьбе. В феврале 1942 г. с этой группой встретился Г.К. Жуков. «Пожав каждому из нас руку, предупредил о трудностях, с которыми мы встретимся в тылу врага, — вспоминал Садчиков, — Жуков сказал: «Ставка и лично товарищ Сталин придадут исключительное значение партизанской борьбе с очень сильным и коварным врагом. Партизанская борьба должна стать одним из важнейших стратегических факторов в достижении победы над фашизмом. Основной целью гитлеровцев остается захват Москвы, а вы должны обеспечить нас точными данными о намерениях противника, лишать его боеприпасов, горючего, громить резервы и тылы. О прибытии свежих частей и соединений, перебрасываемых из Германии, Польши, Франции Югославии, о важных документах радировать немедленно мне лично. Ясно?»

Жуков встал, стремительно поднялись и мы, но Георгий Константинович усадил нас властным жестом, прошелся по кабинету, сел на свое место и предупредил: «Товарищи офицеры! Вам доверено дело исключительной важности, для выполнения которого необходимо обладать высокими моральными качествами и боевым опытом. Поэтому мы отозвали вас с фронта, где вы необходимы. Но в тылу врага вы нужнее. Понятно? Вопросы?»

«Когда вылетаем?», — раздался голоса. Жуков улыбнулся: «А партизанскую тактику, организацию разведки, оружие врага, подрывное дело вы освоили в совершенстве?» Вдруг требовательно зазвонил один из телефонов ВЧ: «Выезжаю», — сказал Жуков и обратился к нам, стоящим «смирно»: «Вы должны спешно окончить партизанскую «академию», изучить опыт партизан Отечественной войны 1812 года, опыт партизан гражданской войны, испанских партизан, борьбы партизан Подмосковья и еще многое. Ясно? Вопросы? Нет? — Желая успеха товарищи офицеры! Все свободны».

Так в конце зимы 1942 г. майор Садчиков оказался в Москве на улице Чапаева в Центральной партизанской спецшколе, которой руководил участник гражданской войны полковник И.П. Кутейников. «Основы партизанской тактики и организации разведки нам преподавал майор А.К. Спрогис. Он с августа 1941 г командовал в.ч. 9903, одновременно работая в партизанской «академии» — вспоминал Садчиков, — Широкоплечий, светловолосый с орденом Ленина, двумя орденами Красного знамени и медалью «20 лет РККА» Спрогис спросил нас: «В чем сила партизан, окруженных врагами значительно превосходящих вас по численности и вооружению? Да, немецкие солдаты умелые, стойкие бойцы. Но ведь они лишены благородной цели и соответствующего боевого духа. Они воюют без сердца по законам военной машины, а мы за правоту нашего дела и авангардом наших партизанских отрядов являемся коммунисты. Наше главное оружие — это высокая идейность, сознательность, целеустремленность и духовное превосходство над врагом. Зная это, местное население всегда предупредит нас о любых происках врага, укажет расположение его штабов, аэродромов, складов, численность и вооружение гарнизонов, поделится последними продуктами и пополнит наши ряды. Глубокая всесторонняя разведка — первостепенная задача партизан, которую необходимо осуществлять с участием местного населения и

¹¹ *Е.И. Ширин*. Полк особого назначения. М., 1996. С. 53

подпольщиков». Нас поражала образность примеров детализации факторов разведки, внезапности, дерзости и бдительности, основанных на «испанском» опыте Спрогиса», — вспоминал Садчиков.

В апреле 1942 г. вместе с комиссаром своего будущего полка старшим политруком Андреем Фёдоровичем Юрьевым Садчиков был вызван к начальнику отдела кадров Западного фронта генерал-майору Н.И. Алексееву, который представил им личный состав их спецгруппы, названной им «СОЦ» — «Смоленский оперативный центр». Утром 16 мая группа СОЦ улетела с Тушинского аэродрома и приземлилась в Торопце в составе: Садчиков, Юрьев, Доморацкий, Петроичев, Бабакевхян, Миняев, Жидков, Птюшкин. Эта группа направилась в партизанское Смоленское соединение «Батя», насчитывавшее тогда (сведения Кумбарга) более 3000 бойцов. Командовал соединением Н.З. Коляда, а его комиссаром был П.И. Соколов. Партизанское соединение «Батя» надежно прикрывало слабый участок фронта между 4-ой ударной и 41-й армиями; через удерживаемый соединением «коридор» (или «ворота») проходили разведгруппы в тыл противника.

Во время зимнего контрнаступления Красной армии активная деятельность партизан, сковала тылы немецкой группы армий «Центр», которые понесли значительные потери; сил для активной борьбы с партизанами не хватало гитлеровцам. (Из сообщений Совинформбюро Садчиков и Юрьев многое знали об успешной идеологической деятельности «Бати» и не случайно в Смоленском партизанском полку Садчикова вскоре после его образования стала издаваться полковая газета «Народный Мститель»).

Садчиков И.Ф. и Юрьев А.Ф. с первой полковой газетой «Народный мститель»

«Батя-Коляда изучающее нас оглядел, вышел из-за стола и сказал: «Мы получили из штаба 4-ой ударной армии сведения о вашей группе, ее задании. Давайте знакомиться...» — вспоминал Юрьев.

В партийном архиве Смоленского обкома КПСС хранится письмо ст. политрука А.Ф. Юрьева Политуправлению Западного фронта: «27 июня 1942 года. Здравствуйте тов. Ст. батальонный комиссар. Вы, может быть, забыли ст. политрука Юрьева, но я Вас помню, решил написать. Выражаю Вам тов. Ст. батальонный комиссар благодарность за направление меня в качестве партизанского комиссара. Вот уже месяц я работаю в отрядах «Бати» и своей работой исключительно доволен... Политическая работа среди населения и в войсках противника дает хорошие результаты. Мы разложили уже не один полицейский отряд; за последнее время к нам стали переходить целые группы полицейских и сдаваться в плен с оружием... Недавно сдались даже три немецких солдата. Все трое мобилизованные рабочие с оборонных заводов. Один был в лаптях, один – в гражданском костюме, только пилотка и сапоги армейские. Полицейские и эти немцы заявляют, что если бы они не боялись, что их расстреляют, то много охотников нашлось бы не только сдаться в плен, но и драться на стороне партизан.

У нас есть немцы партизаны, правда, их еще мало, но они воюют не хуже наших партизан... Партполитработу мы только разворачиваем и здесь непочатый край работы... Перспектива партизанского движения исключительно богата, наши отряды растут, как снежный ком. Мы создали несколько бригад, имеем все виды вооружения, вплоть до танков, у нас нет только авиации. У нас в отрядах несколько тысяч человек, скоро будут десятки тысяч, мы занимаем огромную территорию в несколько сот населенных пунктов. На местах работают сельские и районные советские партийные органы. Мы решили издавать газету и сегодня я уже выпустил первый номер маленькой, но своей партизанской прессы объединенных отрядов. Посылаю Вам один экземпляр первого номера нашей газеты, он получился очень удачным с большими заметками... За последнее время наши отряды активизировались, проводят крупные боевые операции... Обком партии поручил мне создать политотдел, и я уже приступил к этой работе... Адрес ППС 414, штаб «Бати» Юрьеву Андрею Федоровичу».

«Андрей Федорович Юрьев человек очень общительный. Он был хорошим организатором, опытным политработником... Я старался у него узнать, что нового появилось в политической работе... Знакомил его с особенностями партполитработы среди партизан и местного населения. Он быстро вошел в курс дела, проявлял инициативу и изобретательность. Ряд выступлений Юрьева отмечены большим успехом у партизан и населения. Мы поручили Андрею Федоровичу организовать выпуск газеты «Партизан Смоленщины» ... Типографская база была: при штабе работала выездная редакция «Комсомольской правды во главе с Карлом Непомнящим... Первый и пока единственный номер «Партизана Смоленщины» вышел 27 июня 1942 г...» — писал П.И. Соколов, комиссар соединения «Батя».

С начала июля 1942 г. А.Ф. Юрьев стал комиссаром Смоленского партизанского полка Садчикова, где организовал издание собственной полковой газеты «Народный мститель». В начале августа 1942г., зайдя с разведчиками в деревню Шилы Касплянского района Смоленской обл., я неожиданно встретился с майором Садчиковым и на вопрос о причине моего появления здесь начал его информировать о задании моей группы, но Садчиков, прервав меня, сказал: «Я уполномочен командовать всеми партизанскими отрядами этой зоны и с этого момента ты, сержант и твои люди поступают в мое подразделение! Я издам соответствующий приказ! Документы есть?» Я подал ему отпечатанное на машинке Удостоверение, подписанное командиром отряда

Н.И. Талерко и комиссаром Е.Н. Мельниковым. Прочитав его, Садчиков заявил, что он пока оставляет его у себя.

Я пошел к комиссару Юрьеву, который подробно расспросил о направлении меня по комсомольскому призыву в Украинскую школу НКВД СССР, где я стал кандидатом в члены партии и о моей оперативной работе в комиссариате госбезопасности по Белостокской области. Юрьева очень заинтересовала деятельность батальона Сулимова в июле 1941 г. и последующая моя деятельность в качестве заместителя командира Талерко в партизанском отряде «Мститель». - «Оставайся у нас, чекист, и создавай отдел по борьбе с вражеской агентурой (партизанский СМЕРШ). Ведь весь ваш отряд скоро станет нашим подразделением», - сказал Юрьев. И действительно с октября месяца 1942 г. отряд «Мститель» лейтенанта госбезопасности Никандра Талерко стал структурным подразделением партизанского Смоленского полка Садчикова, в котором я создал полковой Особый отдел по борьбе с агентами гитлеровской разведки.